

Икона св. Антония Великого (XVI век)

ЛЕКЦИЯ 37

Архим. Владимир (Швец)

НАЧАЛО МОНАШЕСТВА В ЕГИПТЕ

1. О сущности монашеского подвига

Три обета составляют сущность иноческой жизни: обет целомудрия, обет послушания, обет произвольной нищеты. Цель этих обетов та, чтобы отрешением от мира и его удовольствий, отречением своей воли дать свободу духу и телу, всецело посвятить себя на служение Богу. Священные узы семейные; для человека созданы и блага временные. Но священнее союза семейного – союз человека с Богом; дороже, бесценнее благ временных – блага вечные. Временные связи и временные удовольствия, для поврежденной грехом природы человека, большею частью служат препятствием для стремления к вечному и небесному, приковывают ум и сердце его к земному. «Но все, еже в мире, – пишет Апостол, – похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская» (1 Иоан. 2, 16). Монашество стремится обетом целомудрия подавить похоть плоти, обетом нестяжательности – похоть очес, дабы не увлекаться сокровищами, которые мир обещает поклонникам его, обетом послушания – гордость житейскую, чтобы оставить и победить искание суетной славы, чтобы легче оторвать себя от связей земных, чтобы лучше оградить себя от искушений, какие предполагают богатства, удовольствия и слава мира, – иноки избирают местом жительства пустыни, откуда и получили свое наименование монахов или уединенных.

Кто не испытал сладости уединения? Кто не знает, что только в тишине уединения созревают высокие мысли, укрепляется дух для великих подвигов? Люди самые пристрастные к удовольствиям мира ищут отдыха в уединении; самые заботливые о снискании благ временных и славы земной в тишине уединения соображают и измышляют для сего средства. Но в деле спасения душа тогда только начинает жить для Бога, когда мир

для нас опустел. В мире непрестанно рассеиваются мысли, поработаются желания, возмущается душа и совесть.

Посему иноки, чтобы оградить себя от всех искушений мира, поселились в безлюдных пустынях, в глуши лесов или в темных пещерах. Одни строгие отшельники совсем удалялись от общества людей, и в самых необитаемых местах или совершенном затворе проводили жизнь свою в беседе с одним Богом. Были подвижники, которые в течение тридцати, сорока и более лет не видали ни одного человека. Другие жили по два и по три в недалеком расстоянии друг от друга, два раза в неделю в субботу и воскресенье сходились вместе для общего Богослужения. Иные жили целыми обществами, имея общие определенные уставом и труды, и молитвы, и пищу. Но у всех одно было общее стремление – распять плоть свою со страстями и похотью, стать выше себя, выше своей чувственности. Они отыскивали самые строгие правила Евангелия, давали им самое обширное значение, старались выполнять их со всем усилием воли. Они умерщвляли тело свое алчностью, жаждою, бдением, молитвами и трудами. Принося в жертву Богу дар целомудрия в чистом сосуде воздержания, они в глубоком самоотвержении отсекали от своего ума всякие собственные помыслы, от воли всякое собственное желание, от сердца всякое вожделение собственного удовольствия, всякое негодование на ближнего. Увлекаемые непреклонною силою воли к внутренним и внешним подвигам, они старались достигнуть такого состояния, чтобы ни внутренней, ни внешней природе не ощущать никаких движений кроме одной мысли о Боге. Добровольные мученики, они ежедневно умирали для Бога.

Велик и свят подвиг – предать тело свое в руки мучителей за имя Христово. Но менее ли нужно мужества каждый день, каждый час умерщвлять свое тело, отсекал всякую нечистую мысль? В трудные решительные минуты жизни более напрягается сила души, и во время великих испытаний, человек чаще выходит победителем, нежели в малых ежедневных искушениях. Сколько раз слабая воля может поколебаться в своем направлении! Сколько нужно бдительности над собою! Сколько нужно терпения, чтобы сохранить всегда душу и тело чистыми от приращения греховных движений! Посему прп. Кассиан называет иноков новыми мучениками. Один из писателей, близких к началу монашества, главным побуждением к иноческой жизни поставляет ревность верующих во Христа подражать подвигу мучеников. «Верующие, – пишет он, – видя страдания мучеников и их искреннее стремление к исполнению имени Христа, начали и сами, при помощи благодати Божией, последовать их жизни и самоотвержению, и в иночестве осуществились слова Апостола: «приидоша в милотех и козиих кожах, скорбяще озлоблени,

их же не бе достойна мир, в пустынях скитающесе, и горах и вертепах и пропастьех земных» (Евр. 11, 37–38).

Говорил один старец молодому отшельнику, удивлявшемуся трудам и изнурению, каким подвергал себя старец в преклонных летах: «Поверь сын мой! Бог такую ревность и любовь к служению даровал душе моей, что я никак не могу вполне удовлетворить ее расположения». В самом деле, могли ли не желать этих подвигов пустынноики, когда благодать изливалась в таком изобилии, что они молили даже Господа: «Удержи волны благодати Твоея».

Эта святая, высокая жизнь иноков с самого начала монашества возбуждала внимание благочестивых христиан. В их жизни представлялся живой пример того совершенства христианской жизни, какое указывается в Евангелии. Не громом побед и завоеваний, не потоками крови и опустошений они стяжали себе вечную память, но современным деланием во Христе, борьбою с греховною природою и врагом спасения; их подвиги сопровождались только их слезами и воздыханиями, а на прочих людей они старались только низводить благословение свыше. Это был неземной мир среди этого мира, изумляющий величием своего духа и жизни, дающий разуметь какую чудную силу являет природа человеческая, какая власть и могущество заключены в душе и теле человека, когда он весь проникается силою благодати Христовой. Посему история монашества есть история успехов христианского благочестия.

По великому влиянию иночества на судьбу святой Церкви, история монашества сделалась неотъемлемою частью церковной и общей истории человечества. Как непонятна была бы история Церкви в первые три века Христианства без истории мучеников, так непонятна была бы история последующих веков без истории монашества.

2. Любовь Божия – монашеский идеал

Монахи, в отличии от мирян, стремились и стремятся к небесной любви, то есть к совершенству. Придти к совершенству, по учению отцов, значит придти к Богу. Стремящихся к достижению любви по образу Царства Небесного – в «отказе от природы», святые отцы сначала приводят к рассматриванию своего греха. Так начинается путь восхождения. Желающих уклониться от такого пути ожидает разочарование. «Жесток путь для уклоняющихся», – говорят отцы. Хотящие слишком быстро достичь любви скоро истощают силу ее и остаются ни с чем. Бога как следует можно любить только сердцем очищенным, не плененным гордостью или духовным сладоурастием. «Достигший такой любви пасть не может», – учат Отцы.

«Любовь – это дар Божий. Преждевременное развитие в себе этого чувства есть самообольщение и гибель души. Больная душа, не знающая о своей болезни, не может даже пожелать ничего духовного, вышеестественного. Кто сподобился ощутить что-либо от Бога, тот понял, что все наши ощущения суть самообольщения. И естественная любовь к Богу так же легко переходит в состояние исступления, но это безблагодатное состояние – прелесть».

Все, что нарушает мир душевный, имеет только наружность праведную и правильную. «Гармоничные» люди – это или святые, или примирившиеся со своей гордыней. Наши болезни души и накопленные привычки повредили изначальное Божественное свойство любить. И никакие слова и поиски любви в себе не помогут, пока покаянный образ жизни не очистит и не просветит страстную природу души. В этой природе нет сил для самостоятельного восстановления способности любить. Нет ее и в формальной лишь стороне христианского учения. Для претворения в жизнь этого учения нужна сила Церковных таинств, в которых проявляет себя Дух Божий. Нет смысла искать любовь в других местах. А чтобы благодать не послужила в осуждение душе, надо трудиться над ее очищением.

Необходимо как можно раньше всю страстную силу души пожертвовать Богу. То есть внимательно следить за своими чувствами. Тогда эрос – темная сила души – очищается агапэ Духа Святого. Это совершается в подвиге собранности в себе во время молитвы, при содействии подвига внешнего.

Сначала надо распахать землю души трудом телесным и засеять столько, сколько будет по силам вырастить. Вспахать – значит трудиться, сеять – молиться. Если пахать и не сеять, то сорняки (страсти) получат силу для роста. Телесный труд без душевного приводит к усилению душевных страстей, даже если мы будем трудиться по послушанию в монастыре, где не оставляется времени для келейной молитвы. «Келейная молитва – сеяние, церковная – жатва», – учат св. Отцы.

Закрывая за собой дверь келии своей души, мы остаемся внутри и оттуда начинаем действовать. Вхождение – это сосредоточение, а действие – молитва. Здесь наш ум обнажается от века сего, а сокрушенное смирение души открывает закрытую дверь сердца, за которой обретаем лестницу созерцания, идя по которой мы не только видим свойства созданного мира, но, по возможности, Самого Бога, при условии, если пожертвуем знанием сущности вещей, ибо знание о вещах нужно получать от их Господина, а не отдельно от Него. Искание совершается разумом, а соединение – любовью. При этом ощущается особая теплота в сердце, в которой и порождается любовь ко Господу Иисусу, – учат Отцы.

Чтобы стремящемуся к созерцанию не впасть при этом в нечестие и прелесть, необходимо прежде очистить сердце непрестанной памятью о Боге, которая освобождает от помыслов, фантазии и памяти мирской. Иначе ум созерцает темную периферию сердца и наша «душевная мистика» управляется демонской силой. Подлинно духовная жизнь – это деятельность без участия чувств, ибо «воскрешение чувств есть умерщвление сердца», – учат Отцы.

Мечтательность – признак пустоты души, когда вместо действительности человек видит призраки и образы, вызывающие не мистический благоговейный, а животный страх, дающий доступ врагу. Или же увлекается душевным сладострастием. Все зависит от того, с какой целью проникает ум в сердечную глубину, и каковы качества самого ума. В зеркале неочищенного ума все отражается в искаженном виде и ведет в нереальный мир, а нервная система не в состоянии распознать источник воздействия. Тогда неодухотворенные чувства легко превращаются в страсти.

Сердце глубже, чем психологический центр сознания, чем душа или ум. Поэтому Господь заповедал любить во-первых, сердцем, а затем душою и помышлением. В царство духа проникают только с помощью Благодати. Внутри нас – целый мир, от которого мы отделены излишней суетой, заботами и тревогами. Ключ к нему – единое духовное чувство, которое «упятеряется» в теле. Это «умное чувство», соединение с которым равносильно соединению со Святым Духом. В нем заключено наше подлинное «я» не имеющее материального измерения.

«Тот, кто сподобился увидеть самого себя, тот выше сподобившегося видеть ангелов», – говорят Отцы, – «ибо это Божественное жилище, в котором хранится Благодать, данная при Крещении». Вход сюда закрыт для демонов и всего умопостигаемого.

Нами воспринимается только то, что прошло через сознание, но если сердце ничего не сообщает сознанию, то оно остается не воспринятым. Чтобы познать себя, необходимо отказаться от своего чувственного двойника, преследующего свои личные цели и не обращать внимание на свои чувства и помышления, ибо они находятся на чувственной периферии сердца и образуют как бы автономный мир, имеющий иллюзорное бытие, но с которым мы себя, к сожалению, отождествляем. Отсюда исходят «помышления злая», оскверняющие человека.

Природа нашего «я» – соборна. Соединение с Богом – это себя отдание, себя отвержение, от себя освобождение. Это и есть рай Христов. Жизнь истинная начинается там, где исчерпываются возможности твари к автономному существованию и стремления к обладанию. Надо сокрушить все индивидуальное, все самоутверждающееся, все то, в чем личность смешивается с природой.

Человек способен реализовать свою жизнь как свободу от естественной необходимости. Такой способ существования присущ не природе, а личности, которая не обусловлена природой. Потребительское, захватническое отношение к себе, к Богу и к жизни – это «еретический» образ бытия. Когда мы отказываемся от стремления к автономному бытию, тогда мы только начинаем жить. Нежелание обрести источник жизни в Боге, вне себя – это Адамов грех, инстинкт самосохранения, предчувствие смерти. Надо найти в себе мужество преодолеть смерть, чтобы она была поглощена жизнью. В этом – тайна второго рождения, в этом – свобода человека стать иным.

3. Христианские подвижники до свв. Павла и Антония

Именно от слова «иной» и происходит слово «инок». Чтобы окончательно убедиться в том, что иночество глубоко коренится в духе и сущности христианства, стоит только раскрыть правдивые сказания лет древних, и мы увидим, что иночество началось вместе с проповедью Евангелия, что с самого начала христианства души наиболее верные Евангелию избирали путь отречения от мира и мирских привязанностей. *«Преподобные»* явились на земле в лице тех, кто всеми силами души стремились *уподобиться* сладчайшему Иисусу.

Отшельничество представляется прежде всего как дело необходимости для тех, кто жаждет полного и нераздельного, ничем не смущаемого служения Господу. *«Не на всяком ли месте можно поставлять Ему обитель в душе и поклоняться Ему духом и истиной?»*, – спрашивает святитель Филарет, митрополит Московский. – *«На всяком месте владычества Его благослови душе моя Господа! (Пс. 102, 22)»*. Но что делать, если сие благословенное приглашение всюду и всегда благословлять Господа без успеха я повторяю душе моей оттого, что мир в то же время оглашает и оглушает ее своими разнообразными гласами требований, прещений, прельщений, смущения, развлечения, нужд, забот, похотей и она не находит довольно силы противоборствовать им или утомленная сим противоборством жаждет приблизиться к Богу без препятствий со стороны тварей и служить Ему без развлечения? В сем случае не остается иного, как расторгнуть всякие узы, привязывающие к миру, бежать из него, как из Египта, как из Содомы и учредить для себя в пустыне новое жительство добровольного изгнничества, в котором бы все окружающее говорило нам, *«яко не имамы zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем»* (Евр. 13, 4).

Вот почему еще в Ветхом Завете встречаются следы монашества. Таковы были назареи, посвящавшие себя Богу по особенному обету на время или на всю жизнь; рехабиты, жившие в палатках и отрекавшиеся от

имущества. Таковы были Илия, Елисей, сыны пророческие, соблюдавшие целомудрие и нестяжательность и жившие в пустынях; таковы были все те, которые, по слову Апостола, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, бедствия, озлобления, те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр. 11, 37–38); таков был и Предтеча Господень.

Но в полном совершенстве иночество раскрылось только в Новом Завете. По словам аввы Пиаммона, новозаветное иночество ведет свое начало от самих апостолов. Таким в начале было и все множество первых уверовавших во Христа. Свт. Василий Великий в самом обществе Господа Иисуса Христа и апостолов видит первообраз иночества. Действительно, некоторые из апостолов, не вступившие в брак до своего призвания к апостольству, остались навсегда девственниками: св. Иаков, брат Господень, сыны Зеведеевы – Иоанн и Иаков, и апостол Павел. Ученики св. апостола Павла Тит и Тимофей, подобно своему наставнику оставшись безбрачными, всецело посвятили себя на служение Господу. Дщери перводиакон Фелиппа и Николая пребывали в девстве. Климент, ученик апостольский, писал уже окружные послания к девственницам. С самых времен апостольских идет почти непрерывный ряд свидетельств церковных писателей о девственниках и девственницах. Св. Игнатий, св. Иустин мученик, апологеты Афинагор и Минуций Феликс, Ориген, Тертуллиан, св. Мефодий Тирский, св. Киприан говорят нам о существовании в древней Церкви подвижников и подвижниц, отрекавшихся от мира для нераздельного служения Господу.

После апостолов из подвижников и подвижниц первого века нам известны: святые *Фекла, Зинаида и Филонида, Евдокия и Телесфор*.

Св. Фекла, после проповеди апостола Павла и Варнавы в Иконию уверовав в Господа, оставила своего жениха. После чудесного избавления от огня в Иконию и зверей в Антиохии, с благословения апостола Павла, «иде в Селевкию и вселися в пустем месте на некоей горе близ Селевкии и тамо живяше в посте, и молитвах, и богомыслии» до 90 лет своей жизни. Память ее 24 сентября.

Святые Зинаида и Фелонида были сродницами апостола Павла. «Оставльше своя стяжания и всего отрекшеса мира», они пришли в Фиваиду, и там близ города Димитриады «в некоем вертепе житие свое провоздаху». Язычники, «нощию нападше, камением побиша их, и тако блаженным сном уснуша». Память их 11 октября.

Святая Евдокия прежде была блудницей в Илиополе и обладала огромным богатством. Ее обратил ко Христу «инок некий, именем Герман», который в своей обители «имяше братий семьдесят иноков». Искренне рас-

кавшись, св. Евдокия в святом крещении возродилась (в 96 году) к новой жизни и, раздав все свои сокровища, вступила «в монастырь девическ, в пустыни». Скончалась мученической смертью уже в 152 году, прожив царствования Домициана, Нервы, Траяна, Адриана и Антонина. Память ее 1 марта.

Святой Телесфор проводил до своего избрания в папы отшельническую жизнь. Скончался мученической смертью (128–139 гг.).

Из второго века известны своей подвижнической жизнью: *св. Фронтон*, имевший под своим руководством до 70 иноков и построивший монастырь в пустыне Нитрийской, *св. Параскева*, раздавшая по кончине родителей все имущество и принявшая иноческий чин, впоследствии пострадавшая за Христа. *Св. Наркисс*, епископ Иерусалимский, оставивши престол, он удалился в пустыню, где и пробыл до конца дней своих в подвигах иноческих. *Св. Евгения*, римлянка, дочь наместника александрийского, в царствование императора Коммода, обратившись ко Христу чтением Священного Писания, тайно удалилась из дома родительского и по дороге встретила обитель. Ее сопровождали евнухи Протасий и Иакинф. «Слышу, яко Елий, епископ христианский, – сказала она слугам, – созда зде монастырь, в нем же черноризцы непрестанно во дни и нощи хвалят Бога песньми». Увидав Елия, посещавшего монастырь, она приняла св. крещение вместе с евнухами. Переодетая в мужскую одежду, Евгения принята была в мужской монастырь, «юноши подобна одеянием и остриженными волосы». «В монастыре живяше, добре иночествуя и работая Богу». Избранная по смерти аввы в настоятели, она подверглась низкой клевете. Явившись на суд к наместнику Филиппу, своему отцу, она открыла ему свой пол и происхождение. Впоследствии основала женский монастырь, в котором была настоятельницей. Жизнь свою окончила мученически. Память ее 24 декабря.

В III веке прославился своими подвигами *св. Никон*. Родом из Неаполя, он после св. крещения отплыл на остров Хиос, где на горе Ганос был крещен епископом Кизическим Феодосием, укрывавшимся в пещерах от гонения со множеством иноков. «По приятии святого крещения, блаженный Никон живяше в пещерном том монастыре, учася божественным книгам и иноческому присматриваяся житию: таже и сам облечен бысть во иноческий образ кротости ради своей». Пред кончиной Феодосий поставил его во епископа. После того св. Никон, «всех монахов поемши», отплыл в Сицилию и высадился близ горы Тавроменийской. Там при речке Азинос он нашел «место безмолвно и красно», где и продолжал свои подвиги. Скончался мученически. Память его 23 марта.

Св. Галактион и Епистима – из г. Емеса в Финикии. Св. Галактион, будучи христианином, по воле родителей был обручен с язычницей Еписти-

мой. Обратив ее ко Христу, он убедил ее вести девственную жизнь. Ночью они удалились из дома и пришли к Синаю, и там близ горы Публиона Галактион вступил в мужской монастырь, а Епистима – в женский. «Подвиги его и труды кто изрещи может? Никогда не видит бысть празден, но или делаше что монастырю потребно, или моляшеся; пост его бе безмерен, иногда бо во всю седмицу не вкуси. Толикий же целомудрия и чистоты своея бе хранитель, яко во вся лета постничества своего соблюдашеся опасно, да не видит лица женска». Впоследствии Галактион и Епистима сподобились мученического венца. Память их 5 ноября.

Св. Пансофий, родом из Александрии, по смерти отца своего Антипата, раздав все свое имущество, удалился в пустыню. Скончался мучеником в царствование Декия. Память его 15 января. В то же царствование пострадал за Христа инок диакон *Авив*. Память 6 сентября.

Св. Анастасия Римляныня. Близ Рима «на уединенном и неизвестном» месте находился женский монастырь. Круглой сиротой Анастасия трех лет была взята на воспитание игуменьей Софией. Она выросла красавицей, но «вся уметы вменивши, увестися Христу и день и ночь в молитвах служаше». На 21 году от роду скончалась мученически. Память ее 29 октября.

Св. мученик Моисей удалился в пустыню Раифскую в 233 году и там застал уже пустынножителей. В конце третьего века в Раифе и Синае было уже много пустынножителей. Египетский инок Аммоний, описавший в качестве очевидца избиение их сарацинами, говорит, что между ними были такие, которые подвизались по 70 лет в тех местах. Они жили в пещерах и одиноких кельях. По воскресеньям собирались для богослужения и принятия Святых Таин и затем снова расходились. Память их 14 января.

4. Расцвет египетского монашества

Ручейки, сливаясь вместе, образуют большую и многоводную реку, приносящую благоденствие целой стране, по которой протекает. Отдельны друг от друга и потому мало заметны были первые проявления иночества в разных странах древнего мира. Но с начала IV столетия иночество является пред нами уже во всем своем величии, как могучее и святое учреждение христианства, с тех пор оказывавшее уже неотразимое влияние на жизнь всего христианского мира. Вот почему первоначальными основателями пустынножительства считаются святые *Павел Фивейский* и *Антоний Великий*, хотя не они были первыми иноками в мире. Отдельные подвижники не просто оставляли свои имения, уходя от мира по слову Спасителя и по примеру свв. Павла и Антония, но решались и на гораздо более кардинальные перемены образа жизни. Наиболее известным тому

примером, вероятно, является св. прп. Мария Египетская. Истории жизни свв. прпп. Моисея Мурина и Давида Ермопольского менее известны и поэтому заслуживают нашего внимания.

Преподобный Моисей Мурин

Преподобный Моисей Мурин жил в IV веке в Египте. Он был эфиоп, лицом был черен и поэтому назван «мурин». В молодости он был рабом знатного человека, но после того как совершил убийство, господин прогнал его, и он пристал к шайке разбойников. За суровый нрав и большую физическую силу его выбрали главарем. Моисей вместе с шайкой совершил много злодеяний – убийств, грабежей, так что все боялись даже его имени. Несколько лет пробыл в такой греховной жизни разбойник Моисей, но по великой милости Божией раскаялся, оставил шайку разбойников и ушел в одну из пустынных обителей. Здесь он долго плакал, прося принять его в число братии. Монахи не поверили его искреннему покаянию, но бывший разбойник до тех пор умолял не отгонять его, пока братия не приняла его. В монастыре преподобный Моисей находился в полном послушании у игумена и братии, он проливал много слез, оплакивая свою греховную жизнь. Через некоторое время преподобный Моисей ушел в уединенную келию, где проводил в молитве и строжайшем посте суровую жизнь. Однажды на келию преподобного Моисея напали 4 разбойника из его бывшей шайки, но он, не утративший огромной физической силы, связал их всех и, подняв на плечи, принес в монастырь, спрашивая у старцев, как поступить с пленниками. Старцы велели отпустить их. Разбойники, узнав, что попали к своему бывшему предводителю, а он их пощадил, последовали его примеру, покаялись и стали монахами. Когда остальные разбойники услышали о покаянии преподобного Моисея, то оставили разбой и стали усердными иноками.

Преподобный Моисей не скоро освободился от страстей. Он часто приходил к игумену монастыря авве Исидору, прося совета, как избавиться от блудной страсти. Опытный в духовной брани старец учил его никогда не пресыщаться пищей, пребывать впроголодь, соблюдая строжайшее воздержание. Страсть не оставляла преподобного Моисея в сонных видениях. Тогда авва Исидор научил его всенощным бдениям. Преподобный простаивал все ночи на молитве, не преклоняя колен, чтобы не заснуть. От длительной борьбы преподобный Моисей пришел в уныние и, когда у него возник помысл оставить пустынную келию, авва Исидор подкрепил дух ученика. Он показал ему в видении много демонов на западе, готовящихся к борьбе, а на востоке еще большее количество святых ангелов, также при-

готовлявшихся к битве. Авва Исидор обнадежил преподобного Моисея, что сила ангелов превосходит силу бесов, а долгая борьба со страстями нужна ему, чтобы совершенно очиститься от прежних грехов.

Преподобный Моисей предпринял новый подвиг. Обходя по ночам пустынные келии, он приносил каждому брату воду из колодца. Особенно он старался для старцев, которые жили далеко от колодца и были не в силах принести себе воды. Однажды, наклонясь над колодцем, преподобный Моисей почувствовал сильный удар в спину и замертво упал у колодца, пролежав в таком положении до рассвета. Так бесы мстили преподобному за победу над ними. Утром братия принесла его в келию, и он пролежал целый год в расслаблении. Поправившись, преподобный с твердой решимостью исповедал игумену, что он будет продолжать подвизаться, но Господь Сам положил предел этой многолетней борьбе: авва Исидор благословил ученика и сказал ему, что блудная страсть уже оставила его. Старец велел ему причаститься Святых Таин и с миром идти в свою келию. С тех пор преподобный Моисей получил от Господа власть над бесами.

Слава о его подвигах распространилась среди иноков и за пределами пустыни. Правитель страны захотел увидеть святого. Узнав об этом, преподобный Моисей решил скрыться от посетителей и ушел из своей келии. По дороге он встретил слуг правителя, которые спросили его, как пройти к келии пустытника Моисея. Преподобный ответил им: «Не стоит ходить к этому лживому, недостойному монаху». Слуги возвратились в монастырь, где их ждал правитель, и передали ему слова повстречавшегося старца. Братия, по описанию наружности старца, единодушно признали в нем самого преподобного Моисея.

Проведя много лет в иноческих подвигах, преподобный Моисей был рукоположен во диакона. Епископ облек его в белую одежду и сказал: «Авва Моисей ныне весь бел». Святой ответил: «Владыко, что делает чистым – внешнее или внутреннее?». По смирению преподобный считал себя внутренне недостойным принять сан диакона. Однажды епископ решил испытать его и велел клирикам гнать диакона из алтаря, ругая его недостойным мурином. С полным смирением преподобный принимал бесчестие. Испытав его, епископ посвятил преподобного во пресвитера. В этом сане преподобный Моисей подвизался 15 лет и собрал вокруг себя 75 учеников.

Когда преподобному исполнилось 75 лет, он предупредил своих иноков, что вскоре на скит нападут разбойники и умертвят всех насельников. Святой благословил иноков уйти заблаговременно, чтобы избежать насильственной смерти. Ученики стали просить преподобного уйти вместе с ними, но он ответил: «Я уже много лет ожидаю времени, когда на мне

исполнится слово Владыки моего, Господа Иисуса Христа, сказавшего: «Все, приемший нож, ножом погибнут» (Мф. 26, 52). Тогда с преподобным остались 7 братьев, из которых один, при приближении разбойников, спрятался неподалеку. Разбойники убили преподобного Моисея и оставшихся с ним шесть иноков. Кончина их последовала около 400 года.

Преподобный Давид Ермопольский

Преподобный Давид до поступления в монастырь был предводителем шайки разбойников в Египте, в Ермопольской пустыне. Он совершил много убийств и других злодеяний. Достигнув старости, он задумался над своей жизнью и ужаснулся своим делам. Оставив шайку разбойников, он ушел в монастырь и попросил игумена принять его в число братии для покаяния. Игумен отказывался, объясняя Давиду, что жизнь их очень сурова и ему будет не по силам. Давид настаивал и, наконец, открыл игумену, что он известный разбойник Давид. Он сказал, что если ему не будут открыты двери монастыря для покаяния, то он вернется к прежнему образу жизни, разорит монастырь и перебьет иноков. Тогда игумен допустил его в монастырь, и, ко всеобщему удивлению, Давид стал примерным монахом. Своими суровыми подвигами Давид превзошел всю братию. Через некоторое время к Давиду был послан Господом архангел Гавриил с извещением, что Господь его простил. Однако преподобный Давид, по своему смирению, не мог поверить, что такому великому грешнику, как он, Господь так скоро даровал прощение. Тогда архангел сказал ему, что за свое маловерие Давид останется немым; Давид взмолился, чтобы способность говорить была ему оставлена для молитвы, чтения правил и участия в церковных службах. Это было ему даровано, а в остальное время он оставался немым. В конце жизни преподобный Давид получил от Бога дар чудотворений: он исцелил многих больных и изгонял из бесноватых злых духов. Прожив таким образом много лет, он преставился ко Господу (VI в.).

5. Роль христианского монашества в культуре византийского Египта

Святая Семья пришла в Египет около двух тысяч лет назад, скрываясь от преследований безумного правителя Палестины – царя Ирода. Египет уже приютил многих пророков, таких, как Авраам, Исаак, Иаков, Моисей и Иеремия вместе с племенами израильтян, но величайшим благословением был отмечен, когда Иисус Христос пришел сюда со своей матерью Девой Марией и оставался здесь до смерти Ирода.

Согласно историческим сведениям, новое учение пришло в Египет в середине I века, во времена правления императора Нерона, его принес один из апостолов Иисуса Христа – св. Марк. Христианство встретили здесь с энтузиазмом, как и везде, где античной цивилизации не удалось обеспечить людям достойную жизнь. Естественной основой для пропаганды новой веры явилось присутствие в Александрии значительной иудейской колонии.

Непросто ответить на вопрос, почему египтяне, с их неповторимой цивилизацией, приняли Божественность Иисуса. Быстрое распространение новой веры было несомненно ускорено условиями, в которых находился Египет под римским правлением. Император Октавиан Август превратил Египет в римскую колонию и, разогнав Сенат в Александрии, лишил греко-македонскую правящую элиту административной власти. Институт освящения монархии – существенная характеристика египетского общества во времена фараонов, которая поддерживалась династией Птолемеев, – перестал существовать. Римские наместники правили Египтом, не спрашивая благословения жрецов, и престиж египетских священников катастрофически упал. Египет стал вотчиной императора, местом отдыха и развлечений высшего римского общества. Римляне взвалили огромные налоги на население и, по сути, превратили Египет в житницу, поставляющую пшеницу в Рим. Они рекрутировали египтян в римскую армию сражаться и умирать в других странах в бесконечных войнах. Египтяне не обладали никаким влиянием в собственной стране и ощущали себя людьми второго сорта. Среди них царила атмосфера всеобщего разочарования и униженности, остро ощущалась несправедливость дискриминации.

Молчание оракулов способствовало образованию духовной пустоты, где прошлое оказалось вне памяти, и будущее – без надежд. Это была та пустота, которую заполнило христианство. Люди с готовностью встретили доктрину, дающую им надежду на спасение, братство и милосердие. Свод прежних языческих верований подготовил почву для христианского послания. Вера в загробную жизнь и действенность молитвы, прощение грехов, обряд крещения и очищения водой – все это было в Египте за тысячу лет до христианства. И после потери своей независимости египтяне продолжали верить во всеохватывающий космический порядок, который управляет человечеством. Христианство отвечало их религиозным традициям. Оно снова возвращало им домашний алтарь, священников, небесную иерархию ангелов и Бога как Отца и Создателя порядка.

Вначале распространение новой веры в этом регионе Римской империи воспринималось властями спокойно. Языческая религия римлян была связана с успехом, языческие боги сулили победу в войне, хорошие урожаи,

удачу в любви и браке, рождение сыновей и дочерей. В Римской империи казалось естественным совершать жертвоприношения и курить фимиам божественным Цезарям, какой бы отвратительной ни была их тирания. Народный энтузиазм распространял божественные почести на таких героев, как умершие атлеты и боксеры, и даже на лошадей – чемпионов Олимпийских состязаний! Поражения, голод, неудачи, бесплодие, гражданские беспорядки считались признаком нерасположения богов. Традиционная религия античного Рима являлась общественным культом, и отказ участвовать в нем рассматривался как нелояльность со всеми вытекающими последствиями. Для египетских христиан требование обожествления императора, обладающего, как правило, сомнительными моральными качествами, было оскорбительным, и они уклонялись от жертвоприношений. Св. Марк был убит в 62 г. в Александрии, когда открыто выражал протест против языческих обрядов. Христиане, однако, делали все, чтобы убедить людей не следовать обычаям их отцов, иудеев и не иудеев, и тем самым разрушали монолитность общества.

Универсальный и совершенный Бог христианской религии очень отличался от многочисленных и непредсказуемых богов Олимпа, имевших ограниченную силу и местное значение. Молодая Церковь поощряла благочестие, покаяние, равенство женщин, порицала самоубийство, проповедовала отказ от идолопоклонства, языческого эротизма. В то время как политеизм с его вседозволенностью охватил все античное общество, моральная строгость новой религии и христианская этика значительно ограничивали участие христиан в определенных видах профессиональной деятельности, что приводило к некоторому отделению верующих от общества. Истинный христианин не мог помышлять о профессии учителя, поскольку это предполагало изучение литературы и философии, проникнутой языческими идеалами. Актерство и танцы также считались подозрительными занятиями, а любое вовлечение в магию совершенно недопустимым. Насилие рассматривалось как несовместимое с этикой Царства Божьего, и потому у христиан возникали сложности с воинской службой.

«Плохое поведение» христиан, как охарактеризовал его император Адриан в 130 г., власти осознали позже: христиане отказывались поклоняться всемогущему божественному императору и молились своему единственному Богу – бедному и гонимому Иисусу, более того, христианские сообщества объединились против попыток Рима навязать официальное язычество. Однако гонения на христиан в тот переходный период случались все же редко, и молодое учение успешно развивалось. Оплотом религиозной науки в период раннего христианства стала богословская школа в Александрии. Знаменитый Климент (160–215 гг.) возглавлял ее на протяжении 20 лет.

Вся ранняя христианская литература создавалась на греческом языке. На протяжении многих веков до Рождества Христова официальными языками в Египте были греческий и египетский, причем греческий употреблялся более широко, так как был значительно легче для изучения и чтения, чем египетские иероглифы. Около 750–656 гг. до нашей эры ученые приступили к переложению египетских фонем на греческий алфавит, и это потребовало добавления к нему восьми знаков египетского письма, чтобы передать те звуки, для обозначения которых не было греческих букв. Трансформированный таким образом язык стал называться коптским. Слово «копты» означало «египтяне» и происходило от греческого названия страны – Айгуптос, то есть Египет. При Клименте Александрийском псалмы и избранные главы из Нового Завета были переведены с греческого языка на коптский, что сделало доступным Священное Писание большинству египтян. Климент написал комментарии к Библии и ряд теологических трактатов, осуждающих абсурдное поведение языческих богов Олимпа. Более актуальным, однако, стал трактат под названием «Спасение богатого человека», деликатно затрагивающий проблему, к которой деловые люди были очень чувствительны. Проблема богатства волновала состоятельных христиан, и они истолковывали буквально заповедь Иисуса Христа богатым молодым людям, искавшим спасения, «продать все, что имеешь, и раздать бедным». В ответ на эти толкования Климент утверждал, что «Слово Божие не предписывает нам отказаться от богатства, а только распоряжаться им достойным образом».

Мудрый дидаскал верил в бескровный приход истинной веры. Но напрасно он надеялся на мирный и спокойный переход от язычества к христианству. Новая вера уже надвигалась с обоюдоострым мечом, который разнесет античный мир на части, и здесь, в Египте, она уже нанесла удар по эллинизированной элите с ее богами-гибридами, изобретенными Птолемеями. Старый порядок в ходе этого сложного противостояния оказался на грани исчезновения. Вместе со всей Римской империей Александрия окунулась в водоворот гражданских и религиозных смут. Сам Климент в 203 г. вынужден был бежать в Палестину, скрываясь от преследований императора Септимия Севера. Варвары атаковали границы империи, сотрясаемой внутренними беспорядками. Трудности императоров усугублялись религиозными проблемами, но Сенат в Риме продолжал провозглашать их богами.

Первые достоверные документы, свидетельствующие об официальном преследовании христиан в Египте, датированы серединой III столетия. При императоре Деции (годы правления 249–251) от людей требовали, чтобы они участвовали в традиционных языческих ритуалах в присут-

ствии римских офицеров и предъявляли сертификаты с клятвенными заверениями в жертвоприношениях. Тех, кто отказывался, пытали. Иные давали ложные клятвы и в доказательство бросали на языческие алтари несколько зерен. Хотя тысячи погибли по приговору суда и комитетов бдительности, были и такие, что спаслись и продолжали свое дело. Но эти погромы не шли в сравнение с Великим преследованием, развязанным Диоклетианом. В 284 г. римская армия избрала его императором, и катастрофические условия, в которых оказалась империя, обусловили необходимость проведения непопулярных реформ, напоминающих военный коммунизм. В качестве официального языка в Египте была введена латынь. Диоклетиан стремился таким образом усилить Римскую империю, но египтяне отчаянно сопротивлялись. Император объявил христиан разрушительным элементом и счел за лучшее избавиться от них. Египетские христиане (копты) были уволены с государственных постов, их собственность конфискована, дома снесены, копии Священного Писания сожжены. Многие были замучены и убиты, церкви закрыты и разрушены. Древний мартиролог насчитывает 144 тыс. мучеников за веру в течение 9 лет! Преследования были бесчеловечными, подвергаемые чудовищным пыткам гибли женщины и дети. Египетская христианская церковь не погибла в результате преследований, но стала вести свою хронологию не от рождения Христа, а от так называемой эры мучеников (284 г.).

Итогом Великого преследования стал быстрый подъем монашеского движения, идея и философия которого изначально возникла в Египте. В поисках морального совершенства и спасения от преследований люди духовных наклонностей уходили в пустыни, где дух мученической веры возрастал. Когда св. Павел (228–343 гг.) и св. Антоний (251–356 гг.) – два первых и хорошо известных духовных лидера монашества – посвятили свою жизнь размышлениям и молитвам на пустынном побережье Красного моря, многие последовали их примеру. В III веке уже тысячи отшельников, ведущих аскетический образ жизни, жили обособленно или небольшими группами в катакомбах и пещерах Синая. Св. Антоний дал своим ученикам два простых принципа монашеской жизни: молитва и труд. Лидеры отшельников могли быть простого происхождения, как св. Павел, но могли принадлежать и к высшему классу землевладельцев, как св. Антоний, в двадцатилетнем возрасте раздавший свое имущество бедным и удалившийся в пустыню. По мере роста репутации отцов-пустынников, их последователей становилось все больше. Бесчисленные паломники навещали отшельников и подражали их духовной упорядоченной жизни. Деятельность христианской Церкви привела к созданию новых социальных формирований – монастырей, предоставлявших не только духовное

прибежище для тех, кто внимал Божественному зову, но и физическую безопасность, мир и защиту от засилья налоговых сборщиков и беспредела римской армии. Многие монахи являлись важными общественными фигурами. Так, одним из величайших египетских духовных лидеров был св. Пахомий (292–346 г.). При монастырях прп. Пахомия, расположенных в Верхнем Египте, действовали пекарни, водохранилища, мастерские и торговые лавки. Св. Пахомий ввел строгий распорядок дня, он подчеркивал, что здоровый дух обретается в здоровом теле, считал, что во всем должна быть мера, даже в молитвах. Его целью было создание благочестивых, просвещенных и экономически самодостаточных сообществ, которые явятся примером для других.

Гонения на христиан прекратились при императоре Константине (280–337 гг.). Миланский эдикт 313 г. узаконил принципы религиозной терпимости и формально признал христианство как одну из религий, официально разрешенную в Римской империи. Наконец-то быть христианином стало безопасно, и многие монахи, в их числе св. Антоний, вышли из своих пещер и катакомб, чтобы строить церкви и монастыри. Собственность Церкви была восстановлена, возведение церквей за счет общественных фондов поощрялось, христианские священники освобождались от уплаты налогов, гражданской и военной службы. Константин построил великое множество церквей по всей империи, включая Храм Гроба Господня в Иерусалиме, узаконил церковную собственность и учредил бесплатные поставки продовольствия для Церкви. Языческие преследования прекратились, а споры о природе Христа, из-за которых прольется столько крови, еще не разгорелись. Количество верующих значительно возросло, особенно среди среднего и высшего класса. Казалось, под духовным руководством обновленной Церкви старый мир без несчастий и катастроф вступит в новый. Уже весь Египет созрел для христианства, но для какого именно? Возникли разногласия. Споры вращались вокруг понятий «Отец» и «Сын». То, что началось как академические теологические дебаты, угрожало расколом по всей империи. Первый конфликт возник между патриархами Александрии Афанасием и Арием. Несогласие между ними оказалось таким непримиримым, что император Константин вынужден был вмешаться и умолял своих собратьев-христиан уподобиться греческим философам, которые умели спорить без кровопролития. Никто не вянул. Арий упорно стоял на своем: Иисус был иной природы, чем Отец, он был создан во времени и, следовательно, никак не мог быть Божественным. Святитель Афанасий, бескомпромиссный оппонент арианской ереси, настаивал на том, что Отец и Сын – одной Божественной природы. Как все было просто!

Вселенский Собор в Никее в 325 г. в присутствии императора Константина и 318 епископов заклеил доктрину Ария и объявил его еретиком. Почтенный старец св. Антоний тоже присутствовал и яростно полемизировал с Арием. Торжествующий Афанасий вернулся в Александрию с триумфом и обнаружил там Ария, проповедующего свою ересь как ни в чем не бывало! Такова была воля Константина! Император опасался, что разделение Церкви оскорбит христианского Бога и Божественное возмездие обрушится на Римскую империю и самого Константина. Различные попытки императора найти компромиссное решение ни к чему не привели. Непримируемый защитник христианской ортодоксии преследовал Ария с такой силой, что настал черед Афанасия быть изгнанным из Александрии. Его изгоняли пять раз, и всякий раз после очередного изгнания Арий продолжал отрицать Божественность Иисуса! Споры не прекращались, были изведены горы бумаги. Храм Клеопатры первым пал под натиском истины. Ариане и ортодоксы в течение шести лет так состязались за его освящение, что руины храма сгорели в огне!

Второй удар александрийская Церковь получила, когда Константин в 330 г. основал новую столицу – Константинополь – в противовес языческому Риму. Его отказ принимать участие в языческой процессии оскорбил римлян, не желавших расставаться с прежними богами, и после этого император туда никогда не возвращался. Константинополь – восточный аналог прежней столицы, «второй Рим» – идеально расположился на месте греческой колонии Византиум на Босфоре. Развод императоров с Римом продолжался почти сто лет. Рим и Александрия лишились своего престижа и политического значения. Географические перемены сопровождались религиозными: новый город превращался в настоящую христианскую столицу. Ее великолепные церкви заблистали шедеврами, гораздо более прекрасными, чем в Александрии и где-либо еще. Константинополь стал метрополией греческой науки и искусства, центром христианской учености. Авторитет Александрии был серьезно подорван. Это была эпоха, когда религиозные сановники изгоняли друг друга, а толпа грабила церкви противоборствующих сторон. При Феодосии I (годы правления 379–395) арианская ересь была окончательно заклеена, ортодоксальное христианство провозглашено единственной религией, а Восточная Римская империя после взятия Рима вестготами стала называться Византийской империей. Против язычников были приняты решительные меры, и их кульминацией явился приказ Феодосия, запрещающий под угрозой обвинения в государственной измене все формы языческих культов частного и публичного характера, включая Олимпийские игры. В 385 г. были закрыты языческие храмы и запрещены жертвоприношения Зевсу.

Христианская церковь, поощряемая Константинополем, стала доминировать над государственными институтами и мирской жизнью, обрела невиданное политическое могущество во всех регионах Византийской империи. Глава Египетской церкви – патриарх Александрии – становится наиболее влиятельной фигурой в Египте. Полномочия патриархов значительно превосходили власть византийских наместников и их гарнизонов, присылаемых из Константинополя. Реально Египет управлялся патриархом Александрии и его армией, состоящей из монахов. Христианство, принятое официально, вводилось во многих случаях принудительно, и монахи использовали любую возможность свести счеты с язычниками, атакуя их под предводительством патриархов во время богослужений и разрушая храмы Птолемеев, в которых прятались приверженцы прежней веры. Так, по приказу императора Феодосия I в 391 г. монахами была разрушена знаменитая Александрийская библиотека, на этом месте воздвигнут христианский монастырь. В одном из погромов в 415 г. была убита Ипатия – философ-неоплатонист, математик и астроном. Она вызвала враждебность христиан, так как имела необыкновенное влияние на гражданского префекта Александрии. Возможно также, что под маской религиозных страстей скрывались расовые предубеждения: Ипатию убили не потому, что она была грешной, а потому, что она была гречанкой. У ее убийц было достаточно оснований ненавидеть греков еще с той поры, когда надменные Птолемеи правили Египтом.

Греческая культура в Александрии стала приходить в упадок. И как только была найдена теологическая формула, через которую копты выразили себя, вспыхнуло религиозное неповиновение Константинополю. Явным предлогом была одна из доктрин. Если святые отцы IV века спорили из-за взаимоотношений между Отцом и Сыном, то в V веке они столкнулись с проблемой взаимосвязи двух субстанций – человеческой и Божественной – в самом Иисусе Христе. Коптские теологи из Александрии признавали только духовное воплощение Иисуса после его смерти, и их монофизитская ересь стала второй грандиозной ересью в Восточной империи. Разрыв оказался неизбежным после Собора в Халкидоне в 451 г. Вселенский Собор продемонстрировал решимость Византии оказать давление на церковные власти в Египте и равную решимость Египта не подчиняться. Патриарх Диоскор стал первым «героем» раннего раскола Византийской церкви, после того как отклонил все попытки компромисса. Собор в Халкидоне изгнал Диоскора и заклеил его монофизитскую доктрину. Отказ александрийских ортодоксов ратифицировать доктрину Константинополя привел к отделению египетских христиан от Византийской и Римской церкви. С этого момента греки в Египте могли вздохнуть свободно, но Александрия управлялась двумя патриархами. Один из них, греческого происхождения, назначался официально Константинопо-

лем, придерживался предписаний Халкидона и получал наибольшую часть церковных доходов. Но он не имел духовной власти над египтянами, для них он оставался ненавистным греком. Коптский патриарх был простым египетским монахом, бедным, фанатичным и популярным.

Каждый из патриархов утверждал, что представляет св. Марка и истинную Церковь. Каждый из них продолжает утверждать это в Александрии и сегодня. Равновесие патриархов удерживалось с помощью греческих гарнизонов. Как следствие – Египет стал легкой добычей вражеского нашествия. После халкидонского инцидента Коптская церковь порвала со Вселенской Церковью и объявила себя самостоятельной. Египетские теологи начали писать в основном на коптском языке, и греческий язык перестал доминировать в церковной и мирской жизни коптов.

Недовольство константинопольским правлением и разобщенность создали условия, позволившие старым врагам Египта – персам – вторгнуться в дельту Нила и в 619 г. захватить Александрию. Это был период кровопролитной вражды. Персы не позволяли проводить богослужения и убили многих монахов в подвалах монастырей. Примерно в то же время в Аравии начали происходить события, которые принесли разительные перемены в Египет. Они были вызваны бегством Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г. и объявлением джихада – священной войны – Византии. 29 сентября 642 г. мусульманский полководец Амр Ибн аль-Ас вошел маршем в Александрию – так началось беспрецедентное арабское завоевание Египта. Византийская армия оказала значительное сопротивление арабским войскам, но местное население вело себя более чем двусмысленно. Копты возымели большие надежды на свое избавление от Византии и если и не поддерживали захватчиков, то и не оказывали помощи византийскому гарнизону.

Арабское завоевание завершило отделение Египта от остального христианского мира. Арабские халифы, хотя и благоволили к принявшим ислам, не вмешивались во внутренние дела христианской Церкви. При условии полного подчинения и исправной уплаты налогов коптам была гарантирована безопасность и свобода вероисповедания. Но с приходом к власти мамлюков в 1250 г. христианство в Египте быстро пошло на убыль, и в XIV веке копты оказались в меньшинстве.

6. Исихазм как высшее достижение египетского монашества

Исихазм, развивая взгляды раннехристианских отцов Церкви и их последователей, открывал перед верующими возможность обожения и богопознания, в единении с Богом через восприятие Божественного

света. Исихасты указывали на Господне Преображение на горе Фавор, как на частный случай проявления света Божьей благодати, постепенно действующей в мире и способной соединиться со святыми еще во время их земной жизни. Восприятие духовного света есть откровенное присутствие благодати Божией в сердце каждого.

«Божественный Свет в понимании Паламы, – говорит В. Н. Лосский, – это данность мистического опыта, это видимый аспект Божества, энергий, в которых Бог сообщается и открывается тем, кто очистил свое сердце», и, даже видя самого себя, подвижник видит себя как нечто другое, хотя смотрит и не на что-то другое, и не просто на собственный образ, а на сияние, запечатленное Божией благодатью в его собственном образе, и это сияние восстанавливает способность ума превосходить самого себя и совершает сверхумное единение ума с Высшим Божеством.

В изучаемый период о видении, причастии нетварного света писали в основном св. Макарий Великий и Евагрий Понтийский, поучения и описания последнего во многом помещались в труды прп. Нила Анкирского (Синайского), точнее под его именем, что было вызвано осуждением Евагрия на V Вселенском Соборе. Так, к примеру, преподобному Нилу приписывают слова аввы Евагрия: «Ум, сосредотачиваясь в самом себе, видит уже не что-то чувственное или рассудочное, но обнаженные умные смыслы и божественные воссияния, льющиеся миром и радостью», где явно говорится о том, что через самососредоточенность и самопогружение ума, ума чистого от чего-либо чувственного или рассудочного, способного к созерцанию, возможно видение нетварного света, которое, в свою очередь, является также показателем бесстрастия.

Также у св. Макария можно найти свидетельство озарения светом Спасителя души подвижника, который является не лишь озарением, в понятии озарения откровения, но свет явно видимый: «Духовное озарение есть не только откровение мыслей и благодатное просвещение, но постоянная и непрерывная в душах светозарность ипостасного Света». В противоположность пониманию Варлаама ипостасный свет есть свет не «в собственной ипостаси», а свет нематериальный – «духовный», который Макарий называет «светом бесконечным и небесным», свет исходящий от Спасителя, свет как воздействие, озарение благодати, причем видимый чувственными глазами. Это свет, через который познается Бог: «Озарение благодати является не только откровением мыслей и знания, но и подлинно вечным озарением ипостасного Света в душах», – говорит Макарий, упоминая также о свете, явленном Павлу на пути в Дамаск. Это «свет» Духа, который был ярче солнца небесного, силою которого он удостоился благодати, не был просвещением мыслей и знания, но – Божественным

озарением души силою Духовного света и Божественным откровением небесных таин, так что плотские глаза его не выдержав переизбыток осияния, ослепли от света, и ему открылась полнота знания и Бог поистине познался в душе».

Еще преподобный Макарий Египетский говорит о том, что в веке сем озаряет свет праведника, тот свет есть одно из явлений благодати, которая имеет свойство различно действовать и которая приходит во время молитвы, эта благодать «различно видоизменяет свои действия в человеке к его пользе. Иногда огонь сей возгорается и воспламеняется сильнее, свет же сей возжигается и воспламеняется сильнее, а иногда как бы слабее и тише, в иные времена свет сей возжигается и сияет более, иногда же умалывается и меркнет; и светильник сей, всегда горя и светя, иногда делается яснее, более возгорается от упоения Божией любви, а в другое время издает сияние свое бережливо, и соприисносущный в человеке свет бывает слабее. Сверх того иным во свете являлось знамение креста и пригвождалось во внутреннем человеке. Иногда являлось как бы светоносное некое одеяние, какого нет на земле в веке сем, и какого не могут приготовить руки человеческие. Ибо как Господь с Иоанном и Петром восшедши на гору (Фавор) преобразил ризы свои и соделал их молниевидными, так бывало и с этим одеянием, и облеченный в это одеяние человек удивлялся и изумевал. В иное же время свет сей, явившись в сердце, отверзал внутренний, глубочайший свет; почему человек, всецело поглощенный этой слабостью и этим созерцанием, не владел уже собою... так что человек, получив в это время свободу, достигает совершенной меры, бывает чистым и свободным от греха». Для прп. Макария освобождение человека от греха, по мнению протопресвитера Иоанна Мейендорфа, в основном же происходит через крещение. Молитва и вообще вся духовная жизнь – только средства, стимулирующее произрастание того семени, которое дается в крещении и чистое сердце, тогда видит Спасителя: «Когда человек преступил заповедь, диавол всю душу его покрыл тьмою. Посему, приходит, наконец, благодать и совлекает все покрывало, так что душа, соделавшись уже чистою и восприяв собственную свою природу, это неукоризненное и чистое создание, всегда уже чисто и чистыми очами созерцает славу истинного света и истинное Солнце правды, воссиявши в самом сердце».

Из приведенных текстов видно, что учение о свете нетварном, но видимом плотскими очами, который есть энергии Божии, посредством которых человек обожается и познает Бога, не было чуждо для аскетов Египта, но, напротив, о нем открыто говорилось в целях назидания и обмена опыта. Так говорилось об очищении ума, его катарсисе, способного таким обра-

зом к созерцанию нетварного света, который есть феномен Божественных энергий одеяние Божества, что в последствии объяснялось на Константинопольском соборе 1341 года св. Григорием Паламой.

7. Старчество и египетское монашество

Следует вкратце упомянуть и о том, что египетское монашество стало колыбелью традиции старчества. Из источников, рассказывающих об аскетических подвигах древнеегипетских отцов, видно, что старчество процветало там уже в эпоху преп. Антония Великого и было основным средством духовного возвращения новоначальных иноков. Старчество – своего рода духовное попечительство более старших и опытных монахов в отношении начинающих – с одной стороны, служило средством укрепления монастырской дисциплины, с другой раскрывало юному подвижнику, ищущему христианского совершенства, внутренний смысл этого совершенства по учению Христа, чтобы укоренять его в духе этого учения. Дошедшие до наших дней поучения некоторых египетских старцев полны глубочайшего смысла и, безусловно, заслуживают нашего внимания и благоговейного удивления.

Авва Матой

Между подвижниками Раифской пустыни V в. знаменит авва Матой. Он подвизался прежде в египетских пустынях, где обращался со славными египетскими подвижниками. Он славился высокою духовною мудростью, о которой свидетельствуют сохранившиеся в «Достопамятных сказаниях о подвижничестве святых и блаженных отцов» некоторые его наставления.

Авва Матой говорил: «Я лучше желаю себе дела легкого и продолжительного, нежели трудного вначале, но скоро оканчивающегося».

Еще говорил: «Чем ближе человек к Богу, тем более сознает себя грешником». Пророк Исаия, увидев Бога, назвал себя окаянным и нечистым (Ис. 6, 5).

Еще говорил: «Когда я был юн, думал сам с собою: может быть, я делаю что-нибудь доброе; а теперь, когда состарился, вижу, что я не имею в себе ни одного доброго дела».

Авва Матой говорил также: «Сатана не знает, какую страстию будет побеждена душа; он сеет, но не знает, пожнет ли. Сеет он помыслы блуда, помыслы злословия и также другие страсти. К какой страсти склонною покажет себя душа, ту и внушает он ей».

Брат пришел к авве Матоею и спрашивает его: «Почему живущие в ски-ту более делают, чем велит Писание, любя врагов своих более, нежели

самих себя?». Авва отвечает ему: «А я и того, кто любит меня, не могу еще любить, как самого себя».

Брат спросил авву Матоя: «Что мне делать, если в день поста, или на рассвете, пройдет ко мне брат? Это беспокоит меня». Старец отвечает ему: «Если ты без смущения совести ешь с братом своим, хорошо делаешь; ежели же никого не ожидаешь к себе, и ешь, в этом уже твоя воля».

Авва Иаков сказывал: «Приходил я однажды к авве Матюю, и уходя от него, сказал ему, что хочу отправиться в келии. Авва Матой сказал: поклонись от меня авве Иоанну. Я пришел к авве Иоанну, и говорю ему: авва Матой тебе кланяется. Старец говорит мне: да, авва Матой воистину Израильтянин, в нем же лести несть (Ин. 1, 44). Через год опять пошел я к авве Матюю и сказал ему поклон от аввы Иоанна. Старец сказал мне: я недостойн приветствия от такого старца. Если услышишь, что какой-нибудь старец почитает ближнего выше себя, то знай, что он достиг уже великого совершенства. Ибо в том-то и состоит совершенство, чтобы предпочитать себе ближнего».

Авва Матой рассказывал: «пришел ко мне брат и говорил, что злословие хуже блуда. Я отвечал ему: жестоко слово твое. Брат говорит мне: а для тебя как кажется это дело? Я сказал ему: хотя злословие худо, но оно скоро врачуется. Часто злословящий раскаивается и говорит: худо говорил я. Но прелюбодеяние по естеству своему уже есть смерть».

Некогда авва Матой отправился из Раифа в страну Магдолов. С ним был брат его. Там епископ задержал старца и сделал его пресвитером. Однажды, во время беседы друг с другом, Епископ сказал авве: «Прости меня, авва! Знаю, что ты не желал быть пресвитером, но я осмелился это сделать, чтобы получить от тебя благословение». Старец сказал ему со смирением: «В сердце у меня было небольшое желание, но вот что меня затрудняет: я должен расстаться с братом моим; а один я не смогу исполнять всех молитв». Епископ сказал старцу: «Ежели ты знаешь, что он достоин, я рукоположу и его». Авва Матой отвечал: «Достоин ли он, я не знаю. Одно только знаю, что он лучше меня». Епископ рукоположил и его брата. Но оба они почил, не приступив к престолу для совершения Евхаристии. Старец же говорил: «Верую в Бога, что я не подвергнусь великому осуждению за то, что по рукоположении ни однажды не совершал литургии; ибо рукоположение есть достояние людей чистых».

Авва Матой рассказывал: «Пришли три старца к авве Пафнутию, которого звали Кефалою, и просили у него наставления. Старец же спросил их: какого наставления вы желаете от меня – для духа, или для плоти? – Для духа, – отвечали ему. Старец дал им такое наставление: пойдите, любите скорбь более спокойствия, бесчестие более славы; более любите давать, нежели принимать».

Брат просил авву Матоя: «Дай мне наставление». Авва Матой сказал ему: «Пойди, моли Бога, чтобы Он ниспослал в сердце твое скорбь и смирение; будь всегда внимателен к грехам своим, не осуждай других, а себя почитай ниже всех. Не имей дружбы с отроком, не знайся с женщиной, не дружись с еретиком. Отсекай от себя всякую дерзость; обуздывай язык и чрево твое и не пей много вина. Если кто будет говорить о каком-либо деле, не спорь с ним; ежели он говорит хорошо, скажи: так; а ежели нехорошо, то скажи: сам знаешь, что говоришь. Не спорь с ним о том, о чем он говорит; в этом состоит смирение».

Брат сказал авве Матую: «Дай мне наставление». Старец сказал ему: «Не входи в состязание ни о каком предмете; но плачь, сокрушайся, ибо время близко».

Брат спросил авву Матоя: «Что мне делать? Меня беспокоит язык мой; когда я бываю с людьми, не могу удержать его, но осуждаю и обличаю их во всяком, даже добром деле; что мне делать?». Старец сказал в ответ: «Ежели ты не можешь удержать себя, то беги в уединение; ибо это немощь. Кто живет с братьями, тот должен быть не четвероугольным, но круглым, чтобы мог катиться ко всем. И я живу в уединении, присовокупил старец, не по крепости духа, но по немощи; а сильные живут среди людей».

ЛИТЕРАТУРА

Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолвствующих. – М., 1995.

Еськов С. С. Философско-антропологический анализ имманентности божественных энергий, в созерцании нетварного божественного света, в письменном наследии египетских монахов IV-го века н. э. // *Вісник Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. Філософія.* – 2014. – Вип. 42. – С. 106–118.

Жизнь пустынных отцев. Творение пресвитера Руфина. Перевод с латинского с объяснительными примечаниями инспектора классов московского епархиального филаретовского женского училища священника М. И. Хитрова. – Издание Свято-Троицкие Сергиевы Лавры, 1898.

Казанский П. История православного монашества на Востоке. – Часть 1: Монашество в Египте. – М., 1854.

Лосский В. Н. По образу и подобию. – М., 1995.

Преподобный Макарий египетский. Духовные беседы. – Сергиев-Посад, 1994.